

И.А. Алешковский, З.С. Бочарова*

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. КАК ПРИЧИНА ИСХОДА И ФОРМИРОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

I.A. Aleshkovski, Z.S. Botcharova

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AS REASON OF EXODUS AND FORMATION OF “RUSSIA ABROAD”

В статье рассматривается влияние революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны на миграционные процессы в России. На примере эмиграции авторами показана глубина «разлома» российского общества после революции 1917 г. Прослежены направления исхода из России, раскрыты особенности правового положения русских эмигрантов (от юридического вакуума до формирования статуса русских беженцев), а также феномен вне-территориальной зарубежной России. Сделан вывод о том, что создание «буферной среды» (собственного политического, социального, образовательного, информационного, культурного пространства) затормозило интеграцию русских эмигрантов в принимающие общности и обусловило оригинальную адаптационную модель.

Ключевые слова: революция 1917 г., миграция, эмиграция из России, русское зарубежье, русские беженцы.

The article focuses on the influence of the Russian Revolution of 1917 and the subsequent civil war on the migratory processes in Russia. It takes the example of emigration to show the depth of the rift occurred in the Russian society after the Revolution of 1917. The article explores the exodus routes from Russia; reveals the features of legal status of Russian émigrés (from legal vacuum to granting refugee status); and also shows the phenomenon of extraterritorial “Russia Abroad”. The authors come to the conclusion that the creation of “a buffer environment” (one’s own political, social, educational, information, and cultural space) slowed down the integration of Russian émigrés into the hosting communities and resulted in the original adaptation model.

Key words: Revolution of 1917, migration, Russian emigration, Russian émigré communities, Russian refugees.

Революционные события 1917 г. не просто размежевали российское общество, они раскололи страну на две части — советскую и зарубежную.

*Алешковский Иван Андреевич — канд. экон. наук, доцент ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: aleshkovski@fgp.msu.ru. Бочарова Зоя Сергеевна — докт. ист. наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: zsbotcharova@mail.ru

Советской России предстояло доказать свое право на существование, завоевать мировое признание, вырваться из дипломатической изоляции. В зарубежье оказались те общественные силы, лидеры и звенья государственных структур, которым не требовалось доказывать свою состоятельность. Зарубежная Россия унаследовала обширную инфраструктуру учреждений, оставшихся от царского, Временного или белых правительств, с которыми считалось мировое сообщество, а также традиционно существовавшие, налаженные еще в довоенный и дореволюционный периоды связи с иностранными государствами (дипломатические, научные, культурные, общественные). Не были исчерпаны и российские зарубежные денежные активы. В сочетании с быстротой и массовостью исхода, в условиях настороженного отношения к Советской России все это сформировало потенциал, позволивший зарубежью самоорганизоваться и вести относительно самодостаточный образ жизни.

Радикализм революции, установление диктатуры пролетариата, победа большевиков в Гражданской войне, неприятие советской власти, экономический развал, социальная и бытовая неустроенность, боязнь репрессий, стремление избежать участия в противоборстве белых и красных, переждать смутное время, период тотального общероссийского кризиса заставили покинуть Россию десятки тысяч людей.

В 1917—1919 гг. за рубеж уезжали преимущественно гражданские лица, но с каждой новой неудачей белых армий в ходе организованных эвакуаций их остатков, а также войск интервентов увеличивался удельный вес военных чинов. Эмигрантские волны расходились по всем направлениям и, в первую очередь, захлестнули граничащие с Советской Россией страны.

Принято выделять три основных географических направления, по которым русские покидали родину: северо-западное, южное и дальневосточное. Дальнейшая миграция беженцев в основном происходила уже вне пределов России. Наибольшее число изгнанников принесли эвакуации, связанные с окончательным поражением Белой армии: из Северной области, с Крымского полуострова, из Приморья.

Северная, самая ранняя, волна двигалась в сторону скандинавских стран и Великобритании, которые для большинства беженцев и эвакуированных военных стали транзитными. Открытость северных российских границ и относительно безопасные пути, связывавшие их с центральными районами России, в отличие от южных и дальневосточных портов, способствовали сосредоточению здесь беженцев из разных регионов. В результате около 15 тыс. эмигрантов из Советской России оказались на территории Великобритании¹. Значительная часть из них в последующем перебралась в европейские страны, многие натурализовались.

Западная волна достигла стран Балтии (по оценкам, от 10 до 40 тыс. эмигрантов), Польши (от 90 до 400 тыс. эмигрантов), Чехословакии (от 15 до 50 тыс. эмигрантов), Германии (от 250 до 600 тыс. эмигрантов), Франции

¹ Государственный архив РФ (далее — ГА РФ). Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1.

(до 400 тыс. эмигрантов)². Некоторое число русских подданных увлекли за собой отступавшие на запад немцы (январь — март 1919 г.), к интернированию на территории Эстонии и дальнейшему рассеиванию за рубежом привел уход за пределы российских границ частей Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича (декабрь 1919 — январь 1920 г.), в Германию эвакуировались части Западной армии генерала П.Р. Бермондт-Авалова (декабрь 1919 г.).

Южная волна прошла через Украину и Крым и вынесла тысячи русских эмигрантов на турецкие и балканские берега. Из Одессы и Севастополя при эвакуации французских частей генерала Д'Ансельма в марте — апреле 1919 г. выехало Крымское краевое правительство и гражданское население. В результате эвакуации из Одессы в январе 1920 г. остатков Добровольческой армии, брошенных на произвол судьбы англичанами, российскую эмиграцию в Польше и Болгарии пополнил 60-тысячный корпус генерала Н.Э. Бредова. Там же нашел приют 16-тысячный отряд последнего коменданта Одессы полковника А.А. Стесселя, состоявший преимущественно из гражданских и небоеспособных военных чинов. Часть денкинских Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и гражданские лица из Новороссийска и Одессы были доставлены: в Константинополь — около 25 тыс. человек; в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Югославия) («сербская» эвакуация)³ — около 8,5 тыс., в марте 1920 г. сюда же доставлены англичанами около 3 тыс. человек с островов Эгейского моря («английская» эвакуация); в Болгарию — около 8,6 тыс.; на Принцевы острова — около 13 тыс., на Лемнос — около 2 тыс., на Кипр — около 1,5 тыс., в Египет — около 4 тыс. (раненые и больные чины ВСЮР вместе с семьями, перевезенные англичанами), в лагерь Сиди-Бишр — около 6 тыс. человек.

Франция была единственной страной, которая взяла под свое покровительство разгромленные силы Белой армии. Французский крейсер «Вальдек Руссо», на борту которого находился адмирал Дюмениль, командующий французской эскадрой в Севастополе, по просьбе французского военного комиссара прикрывал отход. Покровительство Франции гарантировалось взамен имевшихся на русских судах продовольственных запасов. Русские корабли военного и торгового флота рассматривались генералом П.А. Врангелем как залог в уплату издержек, предстоящих Франции по оказанию помощи российским эмигрантам.

Наиболее удобной для размещения беженцев французам казалась территория Турции. Мудросское перемирие 1918 г. и Севрский мирный договор 1920 г. лишали ее многих прав суверенного государства. Развалины бывшей Османской империи контролировались державами Антанты. С самого начала французская администрация объявила, что, как и полага-

² См.: *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919—1939. М., 1994; *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20—30-е годы). М., 1995; и др.

³ Последние новости (Париж). 1920. 28 мая.

ется по международному праву, армия, перешедшая на чужую территорию, разоружается, превращается в группу беженцев и является исключительно объектом благотворительности.

Крымская эвакуация почти целиком осуществлялась через Константинополь (Стамбул), пропустивший примерно седьмую часть всех изгнанников. Около 4 тыс. человек по приглашению румынского короля на французском корабле были доставлены в Румынию⁴. Хотя Румыния всячески сопротивлялась приему русских эмигрантов, старалась от них избавиться и многих высылала, к середине 1921 г. их число возросло с 10 до 55 тыс. человек⁵, вновь сократившись в 1923 г. до 10 тыс.. Представитель румынского правительства 29 сентября 1922 г. писал генеральному секретарю Лиги Наций: «По национальным, экономическим и санитарным соображениям Румыния не считает себя обязанной принимать беженцев из других стран, принимая во внимание то, что увеличение численности беженцев, уже проживающих на ее территории, представляется опасным»⁶. Французы не ожидали такого огромного наплыва русских, хотя и содержали их на своих пайках. 21 343 крымских эвакуантов были отправлены в Югославию, 4170 человек — в Болгарию⁷.

К концу 1923 г., после ухода оккупантов, в Турции, настаивавшей на принятии турецкого гражданства российскими эмигрантами или выезде из страны тех, кто не желал натурализоваться, насчитывалось не более 10 тыс. человек⁸, а в феврале 1929 г. — только 1800⁹.

Врангелевский флот был эвакуирован на побережье Средиземного моря и базировался на французской военно-морской базе Бизерта (Тунис), где простоял почти четыре года. Казенные суда транспортного флота передавались французам в качестве обеспечения возмещения расходов по содержанию эвакуированных частей армии. В память о пребывании армии в военных лагерях на чужбине, о перенесенных тяготах и лишениях Врангель утвердил особые нагрудные знаки с надписью «Галлиполи», «Кабаджа-Галлиполи», «Лемнос», «Бизерта» и «Лукулл» и датами «1920—1921». Для чинов Русской армии, не находившихся в этих военных лагерях, был введен крест с надписью «1920—1921»¹⁰.

Французская администрация не могла бесконечно субсидировать пребывание русских беженцев. К апрелю 1921 г. на содержание русской армии и флота было израсходовано более 200 млн франков¹¹. Из-за отказа других государств разделить затраты размеры материальной помощи были со-

⁴ ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

⁵ См.: Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. М., 2000.

⁶ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

⁷ См.: *Иванович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. М., 2006.

⁸ См.: *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971; Население России в XX веке.

⁹ ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 68. Отчет верховного комиссара по делам беженцев об эвакуации русских из Стамбула.

¹⁰ См.: *Бортневский В. Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996.

¹¹ См.: Русские в Галлиполи. Берлин, 1923; Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. Ст. 492.

крашены. Генерал Врангель предпринял самостоятельные шаги по переводу армии в течение 1921—1922 гг. в те страны, где державы Антанты не имели бы такого влияния, т.е. в Болгарию и КСХС.

Восточная волна (по оценкам, около 250 тыс. человек) прокатилась через Сибирь к Дальнему Востоку. Часть россиян обосновалась в Маньчжурии, где и до 1917 г. было немало русских, часть двинулась дальше и осела в других районах Китая, в Корею и Японию. Дальневосточную эмиграцию характеризовали крайняя подвижность и нестабильность.

Всего после 1917 г. из Советской России эмигрировали около 1,5—2 млн человек. Значительную часть из них составили военные чины. Выехали в основном русские (95,2%). Среди гражданского населения преобладали мужчины (73,3%), находившиеся в наиболее трудоспособном возрасте (от 17 до 55 лет — 85,3%), с высоким удельным весом образованных людей (55—70%). Лиц младше трудоспособного возраста было примерно 10,9%, лиц старше трудоспособного возраста — всего 3,8% от общего числа эмигрантов¹².

Великий исход длился с 1917 по 1922 г. Пореволюционная эмиграция влилась в русскую диаспору общей численностью около 8,5 млн человек, численность которой в результате этих событий превысила 10 млн человек¹³. В это число вошли значительные группы русского населения, оказавшиеся в силу отхода от России целых областей вне пределов родины на положении национального меньшинства. Не являлись собственно эмигрантами и те бывшие подданные Российской империи, которые в силу обстоятельств, а не в результате личного выбора оказались за рубежом (лица, находившиеся на лечении и не успевшие до войны вернуться в страну, чины русского экспедиционного корпуса и т.п.). Несмотря на повсеместное ужесточение режима въезда после Первой мировой войны и введение визового режима, разделить потоки легальной и нелегальной миграции не представляется возможным.

До середины 1920-х гг. русские эмигранты отличались высокой мобильностью. Но к концу десятилетия «беженецко-кочевническая психология уступила место психологии прикрепления к местам»¹⁴. Россиян разбросало по всему миру — от островов св. Павла в Беринговом море до г. Ушуая на Огненной Земле, от Португалии до Новой Зеландии — всего по 45 странам. Это расселение определило свои очертания в 1920-е гг. Тогда же сложились основные эмигрантские общественные институты.

З.Н. Гиппиус в 1930 г. писала, что «одна и та же Россия по составу своему как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и служилые люди, люди торговли, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности — политической, культурной, научной, технической и т.д., армия (от высших до низ-

¹² См.: *Комин В.В.* Крах российской контрреволюции за рубежом: Учеб. пособие. Калинин, 1977.

¹³ См.: *Ковалевский П.Е.* Указ. соч.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 93. Л. 2. Из письма В.И. Захарова и П.Н. Савицкого Леонтию Васильевичу (?) от 3 ноября 1928 г.

ших чинов), народ трудовой (от станка и земли) — представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений — в русской эмиграции налицо»¹⁵.

Образовательный уровень зарубежья был выше, чем среднестатистический показатель по России. Большую часть составляли бывшие военные чины, трудоспособные мужчины, при этом число инвалидов было значительно выше нормы.

Страны-реципиенты предлагали в основном физический труд, занятие которым для лиц интеллигентных профессий было либо непривычно, либо неприемлемо. Мировой экономический кризис конца 1920-х — начала 1930-х гг. стимулировал принятие законов об охране национального рынка труда, что снизило спрос на беженские рабочие руки, но стимулировало натурализацию. Вместе с тем российские эмигранты предпочитали заниматься квалифицированным трудом на фабриках и заводах более развитых в экономическом отношении стран. В результате главной задачей стран-реципиентов стала корректировка иммиграционной политики, обеспечение свободы передвижения, трудоустройство, урегулирование правового положения эмигрантов.

Как известно, при выборе вектора передвижения особое значение приобретает фактор разницы «урбанизационных потенциалов» территорий выхода и вселения мигрантских общин. Высокий образовательный и социальный уровень русских эмигрантов, безусловно, влиял на выбор ими «городской цивилизации» с развитой промышленностью, широкими социальными коммуникациями, высокой социальной мобильностью. Но не этот фактор определил лицо эмиграции, а низкий уровень готовности мигрантской общины к интеграции с местным сообществом, осознанная стратегия «капсулирования» (М. Савва), добровольная сегрегация, слабая ориентация на социализацию. В результате сформировалось особое явление — *Зарубежная Россия* (русское зарубежье). Появление этого феномена связано с формой и типом адаптации российских эмигрантов к иноязычному, инокультурному пространству. Замкнутость и относительная самодостаточность российской диаспоры, надежда на скорое возвращение на родину определили характер и формы этих особенностей.

П.Б. Струве в речи «И.А. Бунин», произнесенной в Белграде 20 ноября 1933 г. по случаю чествования писателя, сказал, что «...так называемая русская эмиграция, один из величайших в мировой истории “исходов”, абсолютно очень большой и качественно весьма высокостоящей части населения», которая «временно отступила на чужие земли, и потому находясь политическом и газетном языке и именуется — “эмиграцией”»¹⁶. По заявлению этой самой эмиграции, произошел «выход государства из своей территории», возникла «государствообразная форма бытия русской эмиграции»¹⁷.

¹⁵ Гунтуис З.Н. Наше прямое дело. Париж, 1930. С. 12.

¹⁶ Струве П.Б. Дух и Слово: Сб. статей. Париж, 1981. С. 306.

¹⁷ Рапопорт Ю. Конец Зарубежья // Современные записки (Париж). 1939. № 69. С. 374.

Делению на две России содействовал Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г., который лишал российского гражданства лиц: а) покинувших Россию после Октября 1917 г. и не получивших от советских представительств заграничные паспорта до 1 июня 1922 г., б) выехавших из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти, в) добровольно служивших в армиях, сражающихся против советской власти. Желавшие могли подать заявления о восстановлении своих прав через ближайшие представительства РСФСР¹⁸. Но в советские представительства ходили немногие. Кроме того, в целом ряде стран (особенно до середины 1920-х гг.) дипломатические учреждения РСФСР (СССР) отсутствовали, и декрет стимулировал образование эмигрантских центров, защищавших права русских.

Основным отличием российской эмиграции 1920—1930-х гг. стало то обстоятельство, что она претендовала на роль наследницы дореволюционной России, преемницы ее государственных структур, хранительницы национальных традиций и культуры. Потеря прежней государственной основы в деле защиты державных, национальных и частных интересов русских граждан породила за границей попытки воссоздания институтов, компенсирующих эту утрату, что привело к формированию феномена «перемещенной государственности», «беженской экстерриториальной России»¹⁹ (русского зарубежья) — единого, цельного, относительно независимого квазигосударственного организма, не имевшего прежде прецедентов. В.Х. Даватц писал: «Теперь в эмиграции нашлись все элементы бестерриториальной русской государственности, не только в дружественной, но во враждебной обстановке. Вся эта масса людей вне родины стала подлинной “Россией в малом”, тем новым явлением, которое так не укладывается в обычные рамки»²⁰.

В публицистической эмигрантской литературе 1920-х гг. понятие «Зарубежная Россия» употреблялось неоднократно. Основанием стало наличие общеэмигрантских институтов, с которыми считались мировые державы. Россия зарубежная считала себя представителем подлинной государственности и выразителем национальных интересов. Она организовалась, чтобы не остаться жалкой беженской пылью, этнографической массой, чтобы защитить юридические права изгнанников.

Попытки создания преемственного органа власти проявились в формировании ряда структур, взявших на себя ответственность за эмиграцию. Правительство П.Н. Врангеля после поражения в Гражданской войне утратило остатки внутринационального и международного признания, а созданный им Русский совет вскоре погряз в неразрешимых противоречиях,

¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 1. Ст. 11. Изданный 29 октября 1924 г. декрет «О союзном гражданстве» (Собрание законов, 3 декабря 1924 г.) еще несколько расширил круг лиц, утративших гражданство СССР, включив в него выехавших за пределы СССР и не возвратившихся по требованию соответствующих органов власти. Поэтому эти категории эмигрантов были признаны апатридами.

¹⁹ *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М., 1992. С. 172.

²⁰ *Даватц В.Х.* Русская школа и наука // Часовой. 1939. № 236—237. С. 29.

превратился в арену для политической борьбы и развалился, просуществовав всего полтора года. Последнее заседание состоялось 20 сентября 1922 г. Большая часть эмиграции не признала его всероссийским заграничным представительным органом.

Поскольку бывшие военные чины Русской армии составляли значительную часть эмиграции, а ее командование осуществляло власть на последних рубежах России, остатки этой армии за границей стали «средоточием идеи о Зарубежье, как подлинном русском государстве, сохраненном и прикровенно продолжающем свое бытие, в чаянии грядущего возрождения»²¹. Врангель и его окружение, чтобы сохранить свой личный политический вес и авторитет армии в русском зарубежье, в 1924 г. создали центр объединения всех военных обществ и союзов эмиграции — Русский общевоинский союз (РОВС). Армия фактически трансформировалась в конгломерат различных военных обществ и союзов в разных странах, объединенных общим руководством.

Попытки возглавить эмиграцию делались и в монархической среде. Потенциальными наследниками Николая II были великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович. Кирилл Владимирович 26 июля 1922 г. подписал манифест и объявил себя «блюстителем» пустующего русского трона, ссылаясь на несомненную кончину царя и наследника. Главный политический представитель августейшего блюстителя государева престола князь Д.П. Голицын-Муравлин писал М.Н. Гирсу 26 августа 1922 г.: «То тяжкое положение, в которое была поставлена Россия губительными событиями 1917 года, вынудило находящихся за границей наших соотечественников ради исхода из неопределенного условия бытия признать, если не вполне правильной, то, во всяком случае, удобную наличность посольских учреждений, опирающихся на предположение о продлении бытия Временного правительства, возникшего под возглавлением князя Львова и под управлением Керенского, переставшего существовать. Учреждения эти, под высшим водительством Вашего Превосходительства, оказали нашему многострадальному большинству несомненные услуги. Блестящая опытность Ваша, на Государевой службе приобретенная, принесла делу великую пользу. Ныне, после того, как состоялось провозглашение его императорского высочества в кн. Кирилла Владимировича Блюстителем Государева Престола, дальнейшее оставление упомянутых учреждений как бы искусственным продлением Временного правительства, создает предположение, нисколько не отвечающее действительности»²². На что Гирс отвечал, что заграничное представительство никогда не выставляло себя как продолжателя того или иного правительства и видело в себе символ хранителя идеи российской государственности²³.

С.Н. Ильин в доверительном письме главе российской дипломатической миссии в КСХС В.Н. Штрандтману писал 17 августа 1922 г. из Бел-

²¹ *Рапопорт Ю.* Указ. соч. С. 374.

²² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 24 об.

²³ Там же.

града: «11 августа 1922 г. генерал Врангель получил от в. кн. Кирилла Владимировича телеграмму: “я как блюститель Государева Престола неизменно рассчитываю на Ваше творческое сотрудничество, единодушие в великом деле спасения России. Высылаю манифест. Уважающий вас Кирилл”. П.Н. Врангель ответил, что он, как и громадное большинство его соратников, мыслит Россию такой, как того пожелает русский народ, пламенно веря в то, что народная мудрость вернет Россию, как и триста лет назад, на ее исторический путь. Указывая на то, что великий князь уже ныне, на чужбине без участия народа предпринимает этот вопрос, генерал Врангель сообщил великому князю, что при таком условии он не вправе обещать ему сотрудничество, которое ему угодно было предложить генералу Врангелю»²⁴.

Как замечал С.С. Ольденбург, работа по объединению национальных сил встретила «препятствия во взаимном недоверии организаций с различным историческим прошлым. При общей цели, при общем противнике, при отсутствии разногласий даже относительно средств борьбы, старые счеты и взаимные подозрения затрудняли реальное объединение»²⁵.

Наряду с попытками сплочения вокруг армии и монархической идеи, предпринимались шаги по объединению членов бывших российских законодательных учреждений (Государственной думы и Государственного совета, как казалось, более представительных и признанных в международных кругах) в Русский парламентский комитет (РПК). Идея его создания возникла 12 декабря 1920 г. на совещании членов законодательных палат, состоявшемся в Париже, в помещении русского посольства. РПК взял на себя задачу содействовать делу борьбы путем организации связи и сотрудничества с представительными учреждениями Европы²⁶. Центральный комитет находился в Париже. Среди членов парижской группы РПК были Бунин, Бурцев, Карташев, Шебеко, Пасманик, Анциферов²⁷. В обращении членов комитета говорилось: «Третий Коммунистический интернационал захватил последний клочок русской земли, на котором сохранялась русская государственность. Последняя вооруженная опора правовой русской власти — армия генерала Врангеля — находится на чужбине. Неотделимым спутником правовой государственности и одним из самых мощных выражений ее служит во всем мире парламентаризм — участие народа в лице представительных учреждений»²⁸. «Парламентские комитеты» возникли во всех крупных эмигрантских центрах. В.Х. Даватц

²⁴ Там же. Л. 24.

²⁵ Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание под ред. П. Струве. Кн. VI—VIII. Прага; Берлин, 1923. С. 374—375.

²⁶ Проект положения о РПК за границей см.: ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

²⁷ Список членов РПК в Париже см.: Там же. Л. 24, 58. На 24 марта 1921 г. в нем значилось 27 фамилий (четыре вычеркнуты).

²⁸ Под обращением стояли подписи 17 человек, в том числе члена Государственной думы и Государственного совета Г. Алексинского, члена Государственного совета по выборам Вл. Андреевского, депутата III и IV Государственных дум Е. Ковалевского // Там же. Л. 1—3.

назвал их «ядрами русской национальной мысли, особенно ценными потому, что мысль эту они выражали не только декларативно, но и помогали своей практической работой»²⁹. Ни парламентарии других стран, ни собственно эмигрантская среда не поддержали широко РПК, так как события 1917 г. и Гражданская война вывели на историческую арену новые политические и общественные силы.

Еще в конце 1920 г. парижская группа кадетов опубликовала предложение создать Национальный комитет, в который бы вошли силы, оказавшиеся на гребне политической волны в феврале 1917 г. Оно нашло отклик со стороны левых партий, воздерживавшихся до сих пор от каких-либо совместных действий с несоциалистической демократией. Социалисты-революционеры 15 декабря 1920 г. ответили компромиссным предложением созвать 8 января 1921 г. заграничный съезд членов Учредительного собрания 1917 г. В результате при содействии французского правительства 8—17 января состоялось совещание бывших членов Всероссийского Учредительного собрания³⁰. Из 56 человек, находившихся к тому времени в эмиграции, приехали 33. Председательствовал на совещании Н. Д. Авксентьев, член ЦК партии эсеров, бывший председатель исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве, председатель Временного совета Российской республики. Надо сказать, что кадеты были с самого начала против реанимации Учредительного собрания за границей и хотели использовать совещание для объединения демократических сил и обсуждения актуальных вопросов эмигрантской жизни. Избранная совещанием постоянно действовавшая Исполнительная комиссия (в составе пяти кадетов и четырех правых эсеров) оказалась не столько органом объединения, сколько разъединения. Известно, что совещание стало главной причиной раскола между правыми и левыми группами кадетов в эмиграции.

Плодотворной стала попытка создания надпартийного союза в лице Русского национального объединения (РНО), выставившего лозунг «За Родину, за Отечество, за Россию!». Съезд РНО состоялся 5—12 июня 1921 г. В нем приняли активное участие представители Торгово-промышленного объединения, Парламентского комитета, Русского Совета, редакции газеты «Общее дело» (прежде всего В. Л. Бурцев), правых кадетов и октябристов.

Основу объединения составила идея свержения большевизма, отказ от восстановления старого общественно-политического строя, признание народовластия на основе конституционной демократии, всеобщего избирательно права, политических и гражданских свобод и т. д. Заявлялось, что социальный строй должен базироваться «на внеклассовых основаниях», отстаивался принцип частной собственности, провозглашалось правовое закрепление и государственное урегулирование совершившегося перехода

²⁹ Даватиц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 37.

³⁰ См. подробнее: Бюллетени Совещания членов Учредительного собрания. Париж, январь — февраль 1921 г. № 1—6.

земель в руки крестьян на началах частной собственности³¹. Съезд принял программу, избрал Русский национальный комитет (РНК) под председательством А.В. Карташева. Несмотря на то что РНО с отделами в разных странах не сыграло роль объединяющего центра, его инициативы имели действенный эффект по защите интересов русских беженцев.

Реальной властной структурой, остававшейся за рубежом, которая могла бы объединить и влиять на рассеянные по миру российские диаспоры, мог стать только дипломатический корпус (досоветской России), претерпевший определенные изменения.

К началу Первой мировой войны российское дипломатическое представительство за рубежом состояло из девяти посольств (в Берлине, Вашингтоне, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Мадриде, Риме и Токио), 24 миссий, включая диппредставительства, которые возглавляли министры-президенты, 36 генеральных консульств, 84 консульств и 34 вице-консульств. На 1914 г. в штатах загранучреждений числился 431 человек. После Февральской революции из царских дипломатов добровольно расстался с должностью лишь один посол в США Ю.П. Бахметьев. Временное правительство приступило к постепенному обновлению состава российских представителей за границей. Ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах буржуазное правительство доверило не профессиональным дипломатам, а представителям политической общественности, лояльной к республиканской власти в России. Октябрь 1917 г. изменил ситуацию. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Народный комиссариат по иностранным делам предложил всем служащим посольств, миссий и консульств сообщить, согласны ли они проводить внешнюю политику советского правительства. Ответа не последовало³². Двадцать восемь послов, посланников и сотрудников посольств были уволены. Не признавшие советскую власть дипломатические и консульские службы считали своим долгом продолжать действовать в рамках своих обязанностей и осваивать новые функции. Иностранные правительства по-прежнему сносились с ними как с официальными представителями России. Дипломатические миссии стали выдавать паспорта, на основании которых россияне могли жить за границей. Таким образом, бывшие послы выступили «символом и хранителем идеи российской государственности», а паспорта, выданные еще губернаторами или российскими дипмиссиями, — свидетельством принадлежности к Зарубежной России.

2 февраля 1921 г. в Париже было создано Совещание послов как неофициальный орган, объявивший о правопреемстве интересов российских граждан и «российского достояния» за рубежом. Переписка дипломатов свидетельствует о том, что для большей части эмиграции этот орган стал преемственным органом государственной власти, хотя официально об этом никогда не заявлял. Постоянным органом Совещания стал Совет послов

³¹ Задачи, характер и программа русского национального объединения. Б.м., б.г. С. 29—30.

³² Исключение составили поверенный в делах в Португалии П.Л. Унгерн-Штернберг и временный поверенный в делах в Испании Ю.Я. Соловьев.

во главе со старейшим русским дипломатом М.Н. Гирсом, сыном министра иностранных дел при императоре Александре III. После смерти Гирса в 1932 г. его преемником стал В.А. Маклаков. Полномочия Совета послов были признаны международным сообществом. Совет имел своего представителя при верховном комиссаре по делам русских беженцев Лиги Наций — К.Н. Гулькевича³³.

Существовавшую в России власть большая часть эмиграции рассматривала как антинациональную, нелегитимную, лишенную не только правового, но и морального основания. За ней отрицалось право на осуществление государственного и национального суверенитета. Поэтому старые дипломатические и иные представительства за границей считали своим долгом продолжать деятельность от имени законной власти, от имени России. Основанием для этого они считали, помимо признания их правительствами стран-реципиентов, «правовое ощущение формального существования национальной России, которую они представляли, вопреки насильственному захвату ее территории антинациональной и неправомерной властью»³⁴.

В распоряжении Совещания русских послов оказались финансовые средства за рубежом³⁵, права на которые оспаривались Советским государством. На содержание русских делегаций выделялось по 1 тыс. фунтов стерлингов в месяц, а также генералу Д.Г. Щербачеву, представителю русских армий при союзных правительствах, Российскому Красному Кресту, Земскому союзу, Русской православной церкви за рубежом, Русскому освободительному комитету в Лондоне³⁶.

Защита интересов граждан бывшей Российской империи легла на дипломатические представительства и в тех странах, где, строго говоря, они не были признаны, так как представляли уже не существующее правительство.

Эмиграции удалось добиться признания в международном праве ее особого положения (*sui generis*). Представительство эмигрантских интересов на международном уровне, участие в урегулировании правового статуса русских беженцев явились косвенным признанием международным сообществом феномена русского зарубежья. В зарубежье переместился центр российской общественно-политической мысли, сложились

³³ О К.Н. Гулькевиче см. подробнее: *Виттих К.* Константин Николаевич Гулькевич — биографические заметки // Нансеновские чтения 2007. СПб., 2008.

³⁴ АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 80 об. Письмо Г.Э. Божинского-Божко В.Н. Штрандтману от 1 мая 1933 г.

³⁵ Как пишет О. Будницкий, Русская политическая делегация в Париже фактически распоряжалась деньгами, находившимися только в Европе. Агент министерства торговли и промышленности в Японии К.К. Миллер, российский посол в США Б.А. Бахметев и финансовый агент С.А. Угет соглашались переводить деньги лишь на конкретные нужды (Диаспора: Новые материалы (далее — Диаспора). Т. IV. Париж; СПб., 2002). Так, в 1923 г. К.К. Миллер по ходатайству М.Н. Гирса переслал 6 тыс. франков для уплаты вознаграждения личному составу Управления правительственного уполномоченного по делам русских беженцев в КСХС (АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 62. Л. 9).

³⁶ См.: *Будницкий О.* Дипломаты и деньги: Ст. первая: «Колчаковское золото» // Диаспора. Т. IV.

элементы политической системы, действовал почти весь спектр политических партий, вытесненных большевиками с внутрироссийской арены. Однако, играя большую роль в интеллектуальной жизни эмиграции, ни одно из пореволюционных идейно-политических течений не смогло выработать объединяющей идеологии.

Общеэмигрантское значение имели русские общественные организации как начавшие свою деятельность еще в России (Земгор, Российский Красный Крест), так и появившиеся в зарубежье. Наряду с ними возникли объединения, имевшие местное или региональное значение. Можно выделить следующие принципы формирования таких объединений: профессиональный, корпоративный и по землячествам, объединявшим беженцев из отдельных городов (московское, петроградское) или регионов (крымское, северо-западное). Направления и виды их деятельности были чрезвычайно разнообразны: гуманитарно-благотворительная, профессиональная, культурно-просветительная, правовая, трудовая, медицинская и другая помощь, клубы по интересам. В результате выстраивалась система социальной защиты и помощи. Эти объединения сыграли огромную роль в самоорганизации российской эмиграции 1920—1930-х гг., взяли на себя важнейшие функции урегулирования юридического положения, жизнеобеспечения и адаптации русских беженцев, позволили им сплотиться для защиты собственных интересов перед правительствами разных стран, в международных организациях, в том числе в Лиге Наций, сохранить национальные традиции, организовать национальную систему образования, поддерживать и стимулировать активную культурно-просветительскую работу.

Многочисленность и многообразие эмигрантских общественных объединений явились результатом не только стремления облегчить участь беженцев, но и разногласий, порой непримиримых, в том числе идеологических³⁷. В свою очередь, местные власти, которым легче было контактировать с одной организацией, представляющей интересы всей эмиграции, добивались их консолидации.

Понимая, что решение сложного вопроса об устройстве свыше 1,5 млн русских беженцев не по силам частным гуманитарным организациям, Земгор считал необходимым стать посредником между правительствами стран-реципиентов, международными организациями, Лигой Наций и беженцами. Делегаты комитета в Женеве, в Совещании представителей правительств и гуманитарных организаций при верховном комиссаре по делам русских беженцев Н.И. Астров и С.В. Панина осуществляли связь с работавшими здесь гуманитарными организациями, Лигой Наций, привлекали внимание мирового сообщества к проблемам эмигрантов. К ним стекалась информация о положении русского беженства, которую систематизировали и передавали верховному комиссару и другим заинтересованным учреждениям и лицам.

³⁷ Например, в повестке дня одного из заседаний Союза русских врачей в 1925 г. стояли два вопроса: 1. К казуистике желчекаменной болезни; 2. Об участии в Зарубежном съезде.

В качестве важнейшего структурообразующего элемента выступила Русская православная церковь, которая выполняла свои функции относительно браков и разводов, регистрации родившихся, умерших и др.

Сложились институты сохранения исторической памяти и национальной идентичности: издательства, средства массовой информации, система национального образования всех уровней на родном языке, эмигрантский театр, музеи, библиотеки и архивы. Они способствовали формированию единого культурно-информационного пространства зарубежья.

Еще в Галлиполи, у истоков формирования феномена, временно пребывавшим здесь русским удалось воссоздать свой уголок России. М.А. Критский 13 мая 1921 г. писал Г.В. Вернадскому: «Бывает здесь тяжело, но есть одно, что ни у кого у всех эмигрантов нет — это чувство, что мы здесь, в Галлиполи, создали какой-то кусочек Родины. Детский сад, гимназия, библиотека, народный университет, санатории, больницы. Даже открылся театр: сцена, обтянутый палаткой фундамент и стены разрушенного дома, партер в развалинах старой крепости, тут же кипарисы и минии, сзади море, а потолок — синее небо с реющими ласточками, а к концу спектакля зажигаются звездочки. Великолепные хоры»³⁸. И чуть позже: «...верите ли — здесь в Галлиполи я не чувствую себя эмигрантом, а прежним русским офицером»³⁹.

Формирование так называемой буферной среды предполагает воспроизведение социальных связей и сети, традиционного культурного пласта. Создавая свой мир за рубежом, русские эмигранты пытались восстановить и свой социальный статус. Как отметил Ю. Рапопорт, в Зарубежной России продолжали действовать не только прежние духовные и религиозно-нравственные начала, но и совокупность прежних социальных норм, определявших общественное положение людей, иерархические традиции, взаимоотношения. Для многих эмигрантов, особенно тех, социальный статус которых понизился, идея принадлежности к единому целому, воплощавшему старую Россию, являлась необходимой опорой, придавала смысл жизни в чужих краях⁴⁰. По воспоминаниям Н. Зернова, русский имел возможность жить в Париже вполне русской жизнью: «Внутри столицы Франции образовался русский городок. Его жители могли почти не соприкасаться с французами. По воскресеньям и праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавчонках и там узнавали интересовавшие их новости; закусывали они в русских ресторанах и дешевых столовых, посылали детей в русские школы; по вечерам они могли ходить на русские концерты, слушать лекции и доклады или участвовать в собраниях всевозможных общественных объединений... В эти годы в Париже было более трехсот организаций. Все эти общества устраивали заседания, обеды, “чашки чая”, служили молебны и панихиды. Приходя на эти собрания, шоферы такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота, портнихи —

³⁸ Диаспора. Т. VI. Париж; СПб., 2004. С. 652—653.

³⁹ Там же. С. 654.

⁴⁰ См.: Рапопорт Ю. Указ. соч.

институтками, скромные служащие — сенаторами или прокурорами»⁴¹, пусть иллюзорно, но воспроизводя свой социальный статус.

К концу 1930-х гг. организационная работа в русском зарубежье пришла в упадок. К этому вела, с одной стороны, утрата мотивации, осознание невозможности вернуться в Россию, где стабилизировался советский режим. С другой стороны, СССР, занимавший позицию нетерпимости по отношению к соотечественникам, добивался от иностранных правительств свертывания помощи российским эмигрантам. Русские благотворительные и общественные организации исчерпали материальные средства и возможности. В связи с этим резко усилились тенденции к интеграции в принимающие общества.

Как отмечал П.П. Юренев, посетив Прагу в начале 1930 г., русский быт, воспоминания, уклад еще по инерции сохранялись, но все больше затягивала «новая жизнь: днем служба в обществе чешских коллег, вечером — кафе для холостых, домашний уют для женатых со всей обстановкой собственной квартиры, с детской коляской и семейными заботами... они не перестают быть, может быть, русскими, но перестают быть русскими беженцами»⁴². Тем самым быт эмигрантов переставал ориентироваться на воспроизводство привычных русских образцов, а все более и более определялся местными национальными культурами и традициями, что предопределяло постепенный распад эмигрантского единства и ассимиляцию значительной части русских беженцев населением тех стран, где они проживали.

Таким образом, Зарубежная Россия в 1920—1930-е гг., не имея территориального статуса, попыталась сохранить некоторые элементы государственности и самовоспроизводства, образовательную и культурную среду, национальное самосознание. Впервые в мире особое положение русских беженцев, оказавшихся без покровительства своей страны, привело к выделению самостоятельной, требующей комплексного разрешения проблемы. Самоорганизация создала условия для отстаивания интересов всего беженского сообщества. В то же время она осложнила принятие социальных норм стран проживания, ассимиляцию, взаимоотношения с правительственными и местными органами власти государств, приютивших изгнанников.

Воссозданная в зарубежье параллельная Россия пыталась сохранить свои корни, найти пути самосохранения. Адаптивные механизмы, формировавшиеся изгнанниками в 1920-е гг., способствовали сохранению национальной идентичности, усвоению традиционных российских ценностей, которые помогли не раствориться в европейской культуре, остаться самостоятельным ручейком в инокультурном потоке жизни, социализации, направленной по национальному руслу, с тем, чтобы с этим богатством возвратиться на родину. Культура, духовный труд уберегли зарубежье от распада. Имена А.С. Пушкина, М.В. Ломоносова и других светочей рус-

⁴¹ За рубежом: Белград—Париж—Оксфорд. (Хроника семьи Зерновых). Париж, 1973. С. 123, 125.

⁴² Бюллетень № 56 Российского Земско-Городского комитета. Париж, 1930. С. 11.

ской культуры, по существу, стали основой идеологии (в широком смысле слова) эмиграции, средством ее культурного единения и духовного оживления. Вместе с тем эта культура не несла угрозу местной общности, она не стала причиной «столкновения цивилизаций». Более того, в новых государствах, странах-лимитрофах россияне выполняли цивилизаторскую функцию, способствуя созданию и развитию местной системы науки и образования, новых отраслей народного хозяйства.

Избранная стратегия — ориентация на временное пребывание за пределами страны способствовала замкнутости, изоляции от внешней иноэтнической среды и в конечном итоге оказалась неадекватной реалиям, тормозила включение в социальные связи окружающего мира. Продвинутая адаптация русских эмигрантов, их положительная социальная мобильность была невозможна без слияния с принимающим обществом.

Русское зарубежье, выполнив свою функцию, стало терять одну позицию за другой. Однако специфичность русского мира 1920—1930-х гг. внесла свою лепту в культурное, научное, складывавшееся правовое пространство и, соответственно, в современное международное право о беженцах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996.
- Будницкий О.* Дипломаты и деньги. Ст. первая: «Колчаковское золото» // Диаспора: Новые материалы. Т. IV. Париж; СПб., 2002.
- Бюллетень № 56 Российского Земско-Городского комитета. Париж, 1930.
- Бюллетени Совещания членов Учредительного собрания. Париж, январь — февраль 1921 г. № 1—6.
- Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М., 1992.
- Виттих К.* Константин Николаевич Гулькевич — биографические заметки // Нансеновские чтения 2007. СПб., 2008.
- Гиппиус З.Н.* Наше прямое дело. Париж, 1930.
- Даватиц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.
- Даватиц В.Х.* Русская школа и наука // Часовой. 1939. № 236—237.
- Диаспора: Новые материалы. Т. IV. Париж; СПб., 2002.
- Диаспора: Новые материалы. Т. VI. Париж; СПб., 2004.
- За рубежом: Белград—Париж—Оксфорд. (Хроника семьи Зерновых). Париж, 1973.
- Задачи, характер и программа русского национального объединения. Б.м., б.г.
- Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. М., 2006.
- Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971.
- Комин В.В.* Крах российской контрреволюции за рубежом: Учеб. пособие. Калинин, 1977.
- Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982.
- Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. М., 2000.
- Последние новости (Париж). 1920. 28 мая.
- Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919—1939. М., 1994.

- Рапопорт Ю.* Конец Зарубежья // Современные записки (Париж). 1939. № 69.
Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание под ред.
П. Струве. Кн. VI—VIII. Прага; Берлин, 1923.
Русские в Галлиполи. Берлин, 1923.
Серapiroнова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике
(20—30-е годы). М., 1995.
Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского прави-
тельства. 1922. № 1.
Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976.
Струве П.Б. Дух и Слово: Сб. статей. Париж, 1981.
- Архив внешней политики Российской империи.
Государственный архив Российской Федерации.